

черты в экономике и культуре Албании. Говор Дибры представляет значительное своеобразие.

Из Пешкопи мы направились к западу и углубились в область Мати, расположенную в горных долинах вдоль течения р. Мати. В прошлом это был один из наиболее глухих районов центральной Албании. Посетив заброшенную высоко в горах деревню *Gur i bardhë* («Белый Камень») — место рождения албанского писателя XVII в. Петера Буди, мы остановились в новом центре этого района, строящемся городке Буррель. Строительство новых домов, районная конференция молодежи, песни и пляски делегатов конференции в клубе — все это черты новой, социалистической Албании, постепенно вытесняющие пережитки старого быта.

В области Мати мы останавливались также в деревне Лис. Посещение крестьянской семьи, а также уроков в начальной школе дало интересный материал для лингвистических наблюдений.

Своеобразный говор горной области Мирдита мы могли наблюдать и в сравнительно устойчивом состоянии (в деревне Гзич), и в стадии вытеснения его наиболее резких признаков, как это оказалось характерным для селения Рубиг, в котором расположены медные рудники.

Выехав на магистраль Шкодер — Тирана, мы закончили на этом наш большой северный маршрут. Помимо этого, были также совершены небольшие выезды в Крую, Петрелю, Дуррес и Кавайю.

Поездка по районам северной Албании дала возможность сделать следующие выводы:

1) Северная Албания значительно более дифференцирована в диалектном отношении, чем южная; притом специфические особенности отдельных говоров и подговоров до сих пор сохраняются более устойчиво.

2) Необоснованным является высказывавшееся нередко в прошлом (а иногда повторяемое и сейчас) мнение о том, что между жителями северной и южной Албании, говорящими на двух различных диалектах, якобы очень затруднено взаимопонимание. На собственном опыте я могла убедиться в том, что, пользуясь литературным языком, основанным на тоскском диалекте, можно вполне понять своего собеседника и быть понятым им в любом, самом глухом районе северной Албании. Различия между двумя диалектами албанского языка в сущности не так велики и не препятствуют взаимопониманию между говорящими на них.

3) Учебники, составленные на литературном языке в его тоскской форме, понятны для учащихся начальной школы в северной Албании, не говоря уже об учениках средней школы. Поэтому правильным представляется избранный органами албанского Министерства просвещения путь распространения единых норм литературного языка через школьное обучение. Правда, на этот счет продолжают высказываться и другие мнения. Некоторые авторитетные деятели албанской культуры продолжают считать, что обучение в начальных классах школы в северных областях страны должно происходить на гегском диалекте.

В настоящее время в речи учащихся сельских, а частично и городских школ северной и северо-восточной частей страны наблюдается своеобразное смешение трех речевых форм: местного говора, литературной гегской нормы, привносимой учителями (являющимися в преобладающем большинстве питомцами педагогического училища и гимназии города Шкодер), и, наконец, тоскской нормы, на которой составлены учебники. Литературная речь, усваиваемая учениками школ северной Албании, представляет собой сейчас своеобразную койнэ, возникающую как результат взаимодействия этих трех форм, причем преобладает, как мне кажется, влияние устной речи учителя.

Таким образом, процесс языковой унификации является для севера Албании значительно более сложным, чем для юга.

В связи с этим особенный интерес для лингвистических наблюдений представляет речь населения наиболее крупных старых культурных цен-